

Дмитрий Галковский – автор скандальной книги "Бесконечный тупик". Это сочинение небольшое, но с необъятными (по объёму они заметно больше основного текста) комментариями находится на стыке жанров: критика, философия, беллетристика... Появились они (Галковский и "Бесконечный тупик") в конце 80-х. Печатались тогда только разрозненные куски. Реакцию они вызывали мгновенную, в основном панику. Галковского сравнивали с Василием Розановым, культурным провокаторм и парадоксальным мыслителем начала прошлого века. Собственно, в основе "Бесконечного тупика" и лежит монография о творчестве Розанова, круто замешенная на критике марксизма и вообще советской идеологии.

Сейчас "БТ" относительно доступен (в Интернете и небольшим тиражом, выпущенным за счёт автора). Галковский, впрочем, как был, так и остаётся человеком непризнанным. Он – философ, публицист, писатель и даже детский сказочник (цикл его сказок опубликовала недавно одна из центральных газет). Вообще с газетами и иными периодическими изданиями у него было много романов – в основном коротких и, естественно, мучительных. За книгу "Бесконечный тупик" он получил-таки премию – "Антибукер". И, конечно же, демонстративно от неё отказался.

В прошлом году Галковский выпустил "Уткоречь", "антологию советской поэзии" – уникальную, смешную и отчаянную книгу. Сейчас готовит новую – "Пропаганда". Отчасти, наверное, и с этим связан выход на публику одного из самых маргинальных отечественных авторов. С Галковским беседует наш корреспондент **Евгений ЛЕСИН**.

– Каждый ваш шаг – манифест, знак. Вы ушли из литературы и прессы, назвав их "советскими". Вы перестали печататься в периодике, были доступны только ваши книги, сайт, издаваемый вами журнал "Разбитый компас". На рецензии не реагировали, от премий отказывались. И вдруг – прорыв: интервью, публикации...

– Объясню. Все мои статьи, интервью и фельетоны били в одну и ту же точку: ИЗДАЙТЕ "БЕСКОНЕЧНЫЙ ТУПИК"! Никакого ухода из литературы не было, потому что не было и прихода. Галковского как такового ещё никто и не видел. Видели некоего странного человека, бегающего по городу с перекошенной физиономией и стучащего в закрытые двери.

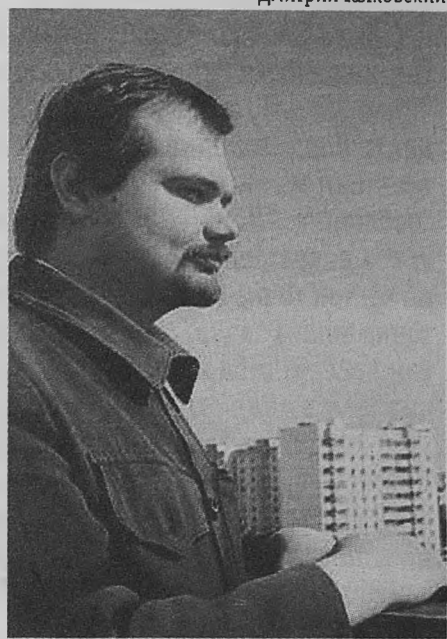
Что ему нужно было? Неужто хепенинг сотворить? Ничего подобного. Просто отказались публиковать мою книгу (единственную – больше у меня ничего не было). Таким же идефиксом после школы у меня было поступление в университет. Я четыре года вставал с мыслью об экзаменах и засыпал, обхватив руками учебник. Потом шесть лет грыз гранит науки так, что за ушами трещало. Выучился, стал книжки писать. Сел, написал тысячу страниц. Стал публиковать. Три года потратил на то, чтобы меня заметили. Бегал по Москве высунув язык, пристраивал рукопись. Пристроил, благо перестройка наступила.

Упорство или прямство?

Тут со мной поступили, если обобщить, примерно так. Вызвали в один очень высокий кабинет и за закрытыми дверями объявили: публиковать не будем никогда и ни при каких условиях. И я стал публиковать свою книгу сам. Ухлопал на это более десяти лет. В 1998-м издал. В 1999-м мне присудили литературную премию, что в свете предыдущих событий я, по-моему, справедливо расценил как издевательство. После публикации книги у меня опять наступила фаза сочинительства. Кое-чего насочинял, начал потихоньку публиковаться. На самом деле это и есть мой литературный дебют. То, с чего я хотел начать и к чему стремился все эти годы с упорством маньяка.

– Складывается впечатление, что ваш жизненный принцип – никакой известности, сплошная незбызвестность...

– Я хочу писать книги. Да так, чтобы люди говорили: "Дмитрий Евгеньевич, вы волшебник". Если у меня к 42 годам нет крыши над головой; если посещение "Макдоналдса" – событие для дневниковой записки; если я за всю жизнь не был не только в Париже или Сингапуре, но даже в Петербурге, – это не значит, что мне ничего не надо. Очень даже надо. С удовольствием бы и в личном особняке пожил, и в ресторанчике белорыбицы откушал, и по миру поездил. Но только всё чтобы через

Дмитрий Галковский:
«Литературную премию расценил как издевательство».

книги. Это и есть мой жизненный принцип.

– Читал вашу статью о книге Солженицына "200 лет вместе". Полагаете, это попытка "Архипелага", только с другим врагом? Или же цель принципиально иная? Всё-таки – "вместе"...

– Думаю, что Солженицын безнадежно устарел ещё в 90-е. От него останется нравственный подвиг "Архипелага" и некоторые художественные произведения (прежде всего "Один день Ивана Денисовича"). В "200 годах" он не понял простой вещи: никакого "еврейского вопроса" в современной России нет. По крайней мере в том смысле, в каком он существовал в Российской империи. Тогда в России жили "русские" и "евреи", два народа очень разные и по культуре, и по историческим традициям, и по отношению друг к другу. Сейчас живут "советские" и "евреи". А кто такие "советские"? Это новая народность латиноамериканского типа, смесь русских крестьян с евреями. Возьмите человека типичной "советской национальности" – Жириновского. Кто это? Еврей? Конечно, нет. Русский? Тем более нет. Это советский человек со своей психологией и менталитетом. Если убрать карикатурность, таких жириновских в Российской Федерации миллионы. Поэтому он до сих пор единственный харизматичный политик.